

ВХОДЪ ГОСПОДА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Вотъ настаетъ «Страстная Недѣля». Церковь въ Богослуженіи этой недѣли поведетъ насъ вслѣдъ за Христомъ, вплоть до Голговы, и до Его Гроба. Событія послѣднихъ дней земной жизни, поскольку они происходили здѣсь на землѣ, они, конечно, отошли въ прошлое. Смолкли крики толпы, будь-то «осанна», будь-то «распни!». Стихъ плачь муносицъ. Умеръ Пилать. Умерли іудейскіе первосвященники. Но не умеръ Христосъ: какъ Богочеловѣкъ, Онъ живъ и понынѣ. И вотъ почему Церковь въ теченіи всей Страстной Недѣли, скорбно вспоминая объ Его страданіяхъ, въ то же время радостно прославляетъ Его, какъ вѣчно живого Побѣдителя смерти. Дѣло спасенія, совершенное Христомъ, оно — живо и понынѣ. Оно не есть — дѣло прошлое: оно — дѣло бывшее, но не минувшее! Вѣдь Христосъ и теперь, какъ въ Іерусалимѣ, входитъ въ наше грѣшное сердце. И это, усталое отъ грѣха, сердце трепетно ждетъ Его всеисцѣляющаго приближенія, ждетъ своего очищенія, обновленія, и радостно, по-дѣтски, поетъ оно Христу свое ликующее «осанна». Но проходитъ немного времени, иногда даже очень немного, и въ этомъ же сердцѣ радостное «осанна» смѣняется злобнымъ «распни», и челоуѣкъ своими грѣхами, своими страстями, вновь распинаетъ Живого Христа. И вотъ поэтому въ Богослуженіи Страстной Недѣли, наряду съ прославленіемъ Господа слышатся мольбы о помилованіи, о прощеніи, слышатся призывы къ бодрствованію и трезвенію, чтобы не постигла челоуѣка участь изсохшей смоковницы, или раба, скрывшаго въ землю талантъ свой, чтобы не постигла челоуѣка участь Іуды-предателя, или нераскаявшагося разбойника.

Подвигъ Христа, онъ имѣетъ значеніе не только для настоящаго, но и для будущаго. И вотъ почему, зарей, иногда злоуѣщей зарей послѣднихъ дней міра свѣтятся церковныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни Христа на землѣ.

Все это наполняетъ Богослуженіе Страстной Недѣли трепетомъ современности, даетъ ему силу жизненности и глубины. Пусть же оно, всѣ эти дни, будетъ звучать для насъ, какъ одинъ неумолкающій и вдохновляющій возгласъ «Горѣ имѣимъ сердца!».

Lazarus Saturday

Six days before His own death, Jesus went to His dead friend Lazarus at Bethany outside of Jerusalem. He was answering an appeal made to Him several days earlier. He knew of the imminent death of Lazarus but purposely delayed His coming. To his disciples He said: “For your sake I am glad that I was not there, so that you may believe” (John 11:14). By the time Jesus arrived, the situation seemed hopeless: Lazarus was already dead four days. The fact that Lazarus was already dead four days is emphasized in the Gospel account as well as in the liturgical hymns of the feast. The four-day period of burial underscored the horrible reality of death: the corruption of the body had commenced.

It is in the face of this awesome reality that, as the Gospel records with such simplicity, “Jesus wept” (John 11:35). Jesus had already stated to Martha, the sister of Lazarus, that He is “the resurrection and the life”; He was fully conscious of His power over death, and still He wept. He wept on seeing the terrible fate of His friend. Bethany at that moment represented the whole world. Lazarus was His friend — all of mankind. Christ wept on seeing what had happened to the whole of creation, “made through him” (John 1:3) to be full of life and light, now lying in death and darkness. The friend of God was sealed away in a cold tomb, and the people were hesitant to remove the stone which lay upon it, for “by this time there will be an odor, for he has been dead four days” (John 11:39).

When the stone had been removed, Jesus prayed to His Father in the presence of all the people, not asking anyone to leave as He had done on other occasions (Luke 8:51). Then, in a loud voice, He called Lazarus from the tomb: “Lazarus, come out.” The people were astonished on seeing Lazarus walk out, alive. Many immediately believed on Him. A great crowd began to assemble around Him. Palm Sunday naturally followed.